

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.1/.8
doi: 10.17223/19986645/81/1

Типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках

Татьяна Леонидовна Гурулева¹, Ольга Петровна Фесенко²

¹ Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, gurulevatatiana@mail.ru

² Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия, Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются и сопоставляются фразеологизмы военной тематики в русском и китайском языках. Выявлены типы фразеологических единиц военной тематики, описаны источники и время происхождения фразеологии военной тематики, установлен основной механизм формирования фразеологического значения военных идиом, определены семантические группы метафоризируемых образов фразеологических единиц военной тематики, указаны отличия и сходства названных семантических групп в русском и китайском языках.

Ключевые слова: фразеологизмы военной тематики, русские военные фразеологизмы, военная идиоматика китайского языка, типы фразеологизмов, этимология фразеологизмов, фразеологическое значение, семантические группы фразеологизмов военной тематики

Для цитирования: Гурулева Т.Л., Фесенко О.П. Типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/81/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/81/1

Typological, etymological and cognitive aspects of comparing phraseological units of military topics in Russian and Chinese

Tatiana L. Guruleva¹, Olga P. Fesenko²

¹ Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, gurulevatatiana@mail.ru

² Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation, Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Abstract. Phraseology is part of the cultural heritage, reflecting the peculiarities of the worldview and the value system of a particular people. In this regard,

phraseological units of military topics can give an idea of the perception of war and the army within the framework of individual cultures and languages. Since war is an integral part of life in most countries of the world, the peculiarities of the attitude towards it embodied in the language make it possible to understand its significance for the bearers of a particular culture. The aim of the study is to compare the phraseology of the military theme of the Russian and Chinese languages in the typological, etymological and cognitive aspects. This is the first time such a study is being conducted. The research material was Russian (284 units) and Chinese (3773 and 290 units) phraseological units extracted from various Russian-language and Chinese lexicographic publications (11 titles). In the course of the study, methods of continuous sampling, directional selection and simple probabilistic sampling, methods of linguistic observation and description, systematization and classification, comparative analysis, interpretation of data and their statistical processing, synthesis, abstraction and generalization were used. The types of phraseological units of military topics in the Russian and Chinese languages were established; the sources and time of origin of phraseology of military topics were described; the main mechanism for the formation of phraseological meanings of military idioms was identified; semantic groups of metaphorized images of phraseological units of military topics in the two languages were identified; the differences and similarities of the named semantic groups were indicated. The study concludes that the Chinese military phraseology is more anthropocentric and anthropomorphic in comparison with the Russian military phraseological system. In general, the results of the study allow characterizing the military phraseology of the Chinese language as having emerged in an earlier period and having a greater number of units. This is explained both by the longer period of existence of the Chinese civilization and the typological features of the system of Chinese hieroglyphic writing, which has preserved written monuments containing phraseological units for thousands of years, and by the importance of war and the military sphere in Chinese culture.

Keywords: phraseological units of military topics, Russian military phraseological units, military idioms of Chinese language, types of phraseological units, etymology of phraseological units, phraseological meaning, semantic groups of phraseological units of military topics

For citation: Guruleva, T.L. & Fesenko, O.P. (2023) Typological, etymological and cognitive aspects of comparing phraseological units of military topics in Russian and Chinese. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/1

Введение

Фразеология – один из активно развивающихся разделов современной лингвистики. И если еще 50 лет назад исследователей интересовали история формирования фразеосистемы языка, а также их описание, то сегодня на первый план выступают лингвокультурологический и сопоставительный подходы в изучении идиом. С течением времени расширяется объем знаний в рамках фразеологии, что позволяет обратиться к еще не исследованным или недостаточно изученным вопросам рождения фразеологических единиц, выявлению законов и особенностей их функционирования в

речи и культуре конкретного народа, к анализу лингвокультурных различий фразеосистем, описанию фразеологии профессиональных сфер. В ряду современных языковедческих концепций особая роль отводится изучению в сопоставительном аспекте фразеологических систем разных языков (Т.Н. Федуленкова).

В этом аспекте наше исследование оказывается весьма актуальным, что обусловлено не только общими тенденциями развития фразеологии в целом, но и отсутствием научных работ, посвященных сопоставительному анализу профессиональной фразеологии, в нашем случае – фразеологии военного происхождения.

В лингвокультурах Китая и России образ национального войска (его история и традиции, достижения и победы) опирается на формирующиеся долгие столетия положительное представление и положительную оценку всего того, что так или иначе имеет отношение к армии. В сознании граждан обеих стран государство создает образ сильной армии, которая может защитить страну в любых конфликтах. Фразеология в этом смысле показывает, насколько такой образ важен. В составе фразеологизмов содержатся компоненты, этимологически связанные с армией и отражающие специфику восприятия армейской сферы носителями языка.

Фразеологизмы военной тематики – интереснейший объект исследования современной лингвистической науки. Их специфика определяется еще и тем, что большинство поколений россиян и китайцев (а шире – представителей практически любой культуры) знают о войне из личного опыта. Война сопровождает историю многих стран и культур. Это влечет за собой возможность выхода фразеологии военной тематики за пределы военной профессиональной сферы. Функционируя вне сферы военного языка, фразеологические единицы остаются бесценным хранилищем исторической памяти российского и китайского народов о войне.

Обзор литературы и определение границ фразеологии военной тематики

Фразеология военной тематики (военная фразеология, фразеология военного происхождения) исследуется в рамках различных дискурсов: в политическом, публицистическом, экономическом, спортивном, в дискурсе СМИ и т.д. Хотя рассматриваемая фразеология достаточно давно привлекает внимание исследователей, единого понимания содержания этого термина в науке так и не выработано.

Прежде всего следует сказать о двух основных подходах российских лингвистов в наименовании рассматриваемого нами явления: это выделение фразеологизмов «военной семантики» и «военной тематики». И те и другие называются по-разному разными исследователями. Разница заключается в том, что идиомы «военной семантики» – это те фразеологические единицы, которые родились в среде военных и предназначены для обозначения явлений, связанных с армией (узкий подход). Фразеологизмы «воен-

ной тематики» предполагают широкую трактовку и включают все фразеологические единицы, в которых есть компоненты, имеющие отношение к военной профессиональной сфере. Сам же перечень наименований данного феномена весьма разнообразен: «фразеология военной семантики» (Е.В. Ананьина), «фразеология военной сферы, фразеологические единицы военной сферы (ФЕВС)» (Л.И. Ахметсагирова, Д.А. Кошман, И.В. Кудряшова), «фразеологизмы военной тематики, военные фразеологизмы» (Е.В. Лупанова, А.В. Трегубчак); «военные фразеологизмы» (Н.Г. Никитина), «фразеологические единицы, обозначающие военные реалии» (И.Е. Колесникова), «фразеология военной сферы» (В.В. Погонец; Р.А. Полончук). Но чаще всего «военные» фразеологические единицы трактуются именно в широком смысле как «фразеологизмы, внутренняя форма которых так или иначе восходит к той или иной ситуации, связанной с борьбой, столкновением, войной и т.д.» [1. С. 33]. Подчеркивая выход военной фразеологии за пределы военного дискурса, исследователи говорят о том, что в современных коммуникативных условиях военная фразеология «метафорически переосмыслена и функционирует для номинации или характеристики гражданских объектов и субъектов, событий и явлений» [2. С. 45].

Анализ китайских научных трудов показывает, что вопросы фразеологии китайского языка, в том числе единиц военной тематики, наиболее полно рассматривались в работах китайских лингвистов, таких как Ма Гофань (马国凡) [3], Су Жочжоу, Кэ Ли (苏若舟 & 柯理) [4], Лю Цзесю (刘洁修) [5], Сунь Вэйчжан (孙维张) [6], Тун Юйбин (佟玉斌) [7], Ли Вэйчжун (李卫中) [8], Ван Фэй (王菲) [9], Ван Дэ (王德) [10], Сунь Юнлань (孙永兰) [11] и др.

В китайской лингвистической литературе для обозначения военной фразеологии встречаются два термина: *军事熟语* (*военная фразеология*) и *军事成语* (*военные чэньюи*). Термин «военная фразеология» встречается нечасто, поскольку фразеология как научная дисциплина в китайской лингвистической традиции еще не сложилась окончательно (Ван Дэ и др.). Термин «военные чэньюи» используется в двух значениях – в широком, т.е. вся военная фразеология, включающая фразеологические единицы разных типов (Ван Фэй, Тун Юйбин, Сунь Юнлань и др.) и в узком, т.е. только военные фразеологические единицы типа *чэньюи* (Ма Гофань и др.). Таким образом, деление на широкий и узкий подходы в трактовке термина «военные чэньюи» касается не сферы употребления военного фразеологизма, а его типологии.

Исследуя военные фразеологизмы, китайские лингвисты довольно часто обращаются к выделению их семантических групп. Так, Ван Дэ относит к военной фразеологии четыре вида фразеологизмов: фразеологические единицы (далее ФЕ), описывающие основные стратегические идеи; ФЕ, описывающие, военные стратагемы; ФЕ, описывающие полководцев и воинов; ФЕ, описывающие военное вооружение и армейскую провизию [10]. Редактор «Большого словаря военных чэньюев» Тун Юйбин в предид-

словии к словарю пишет, что собранные 7500 фразеологизмов касаются разнообразных сфер существования армии, указывая среди них: «военное вооружение и снаряжение; военную мощь и воинскую дисциплину; военные стратагеми; атаку и оборону, победу и поражение; командование армией и ее подготовку; тыловое снабжение; благоприятный климат и благоприятную ситуацию; мир, угрозы и наведение порядка и др.» [4. С. 2]. Ван Фэй приходит к заключению, что все военные *чэньюи* общей тематики «армия и война» делятся на три больших вида: субъекты боевых действий, ведение войны и боевое обеспечение. Группа фразеологизмов о субъектах боевых действий разделяется на ФЕ о полководцах и ФЕ о воинах. Группа фразеологизмов о ведении войны включает ФЕ, описывающие: подготовку к сражению (перегруппировка войск и подготовка к войне), ход сражения (наступление, оборона, противостояние, спасение, прекращение сражения) и итоги сражения (победа, поражение). Группа фразеологизмов о боевом обеспечении включает ФЕ, содержащие военные идеи, военные стратагеми, а также ФЕ о командовании армией и соблюдении дисциплины [9]. Таким образом, в китайской лингвистической традиции термины «военная фразеология» и «военные чэньюи», включают любые фразеологические единицы, содержащие компоненты, связанные с военной сферой.

Как видно из обзора, проблемы в расхождении интерпретации терминов «военная фразеология», «фразеология военной тематики», «фразеология военного происхождения» и др. в российской и китайской лингвистике обсуждается достаточно активно. Можно отметить, что среди российских и китайских лингвистов наблюдается единый подход к трактовке анализируемого феномена в широком смысле. В нашей работе под фразеологией военной тематики понимаются фразеологические единицы, имеющие в составе этимологически связанные с военной профессиональной сферой компоненты. В этом определении мы солидарны как с Н.А. Жумабековым, который считает, что «критерием отнесения идиоматического выражения к сфере-источнику «война» (военная фразеология, фразеология военной сферы) служат семантические маркеры, представленные в его структуре: оружие и различные его модификации (боекомплект, часть, действие), включая единицы военной техники; бой и его характеристики (боевые действия, тактика боя (нападение/оборона), боевые локации); построение (строй) личного состава; участники боевых действий, атрибут армии, обмундирование и др.» [2. С. 45], так и с китайскими лингвистами, выделяющими различные семантические группы военных фразеологизмов на основе входящих в них компонентов, связанных с военной сферой (Ван Дэ, Тун Юйбин, Ван Фэй). Современная «военная» фразеология «демилитаризована». Представленная в работе трактовка дает возможность не рассматривать в составе обозначенных нами границ фразеологии единицы *охота на ведьм, злой полицейский, добрая воля, в одной команде, борьба за умы и души* [12. С. 197]. При этом объектом исследования остаются фразеологизмы, вышедшие за пределы языка военных, поскольку именно они

в наибольшей степени отражают представление об армии в языковом сознании носителей культуры.

Единицы сопоставительного анализа

В современной науке однозначной трактовки понятия «фразеологизм» не существует. Это связано с тем, что исследователи в качестве критериев выделения фразеологизма предлагают разный набор признаков. Среди этих признаков Н.М. Шанский называет устойчивость, воспроизводимость (именно это свойство сегодня активно оспаривается фразеологами), раздельнооформленность и идиоматичность. В.П. Жуков добавляет к ним ряд грамматических характеристик: сочетаемость со словами и наличие структур, основанных на подчинительной и сочинительной связях. В.Н. Телия отмечает необходимость отнесения фразеологизмов к номинативной части языковой системы. Н.Ф. Алефиренко расширяет перечень признаков фразеологизмов возможностью отражать культурно-исторический смысл и метафоричностью значения. А.М. Чепасова считает, что фразеологию можно рассматривать только через призму соотнесенности с частеречными значениями. И это далеко не полный перечень характеристик, которые свойственны фразеологии. Поэтому, опираясь на сформулированные критерии, можно говорить об узкой трактовке фразеологизма (при которой фразеологизм сводится к идиоме) и о широкой, при которой фразеология включает в себя пословицы и крылатые выражения.

В нашей работе фразеологизм – это соотносимая по своему целостному значению с определённой частью речи единица языка, обладающая раздельнооформленностью [13. С. 4]. Это узкая трактовка идиоматики, позволяющая включать в состав фразеологии только единства и сращения (согласно классификации В.В. Виноградова).

Что касается фразеологизмов китайского языка, то наиболее часто выделяют следующие виды: 成语 (*чэньюй*) – букв. «готовое выражение», 惯用语 (*гуаньюньюй*) – букв. «привычное выражение», 歇后语 (*сехоуюй*) – букв. «речение с усекаемой концовкой», недоговорка-иносказание, 谚语 (*яньюй*) – пословица, 俗语 (*суюй*) – поговорка, 格言 (*гэянь*) – афоризм, 警句 (*цзинцзю*) – крылатое выражение.

При сопоставительном исследовании фразеологии китайского и русского языков следует установить соответствие между типами фразеологизмов. Такое соответствие было предложено Н.В. Иванченко, которая выявила, что в русском и китайском языках наблюдается частичное совпадение разновидностей фразеологизмов (если говорить о тех видах фразеологизмов, которые выделены в рамках отечественной лингвистики [14. С. 10]). Н.В. Иванченко обнаружила, что фразеологическим единицам типа *чэньюй* в русском языке частично соответствуют фразеологические сращения, а *гуаньюньюй* и *сехоуюй* имеют лишь *относительное* сходство с фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями [14].

Исходя из сказанного, в качестве предмета исследования в китайском языке мы выбираем *чэньюу*, *гуаньюньюу* и *сехоуюу*, поскольку они представляют собой специфические ФЕ китайского языка, имеющие некоторое относительное сходство с выделенными в русской фразеологии сращениями, единствами и сочетаниями. Кроме того, они обладают раздельно-оформленностью, сохраняя при этом целостное переносное значение, что позволяет соотнести их с конкретной частью речи и, в частности, рассматривать *сехоуюу*, используемые в усеченном виде, в качестве предмета нашего исследования и сопоставительного анализа. Рассмотрим более подробно структурно-семантические характеристики трех указанных типов ФЕ в китайском языке.

Фразеологизмы типа *чэньюу* в основной своей массе пришли в современный китайский язык из произведений древней китайской литературы и в основном возникли в древнекитайский период развития китайского языка (по классификации С.Е. Яхонтова, в период от первых письменных памятников до III–IV вв. н. э.), что является определяющим фактором в формировании их структурно-семантических особенностей. Фразеологизмы этого типа имеют устойчивую четырехкомпонентную структуру, построенную по грамматическим нормам письменного классического китайского языка *вэньянь*, которая является их главной отличительной чертой. Семантические характеристики *чэньюев* заключаются в образном выражении народной мудрости, в концентрированном виде содержащей культурные, моральные, этические и другие воззрения китайской нации [15]. А.А. Торопов отмечает, что *чэньюу* «...необычайно метко, живо и в краткой, отточенной форме отображают обычные понятия, фиксируют наиболее значительные типичные случаи, ситуации, констатируют те или иные жизненно важные наблюдения над природой и человеком, обобщения и выводы из опыта прошлого» [16. С. 111]. ФЕ типа *чэньюу* семантически монолитны и, как все ФЕ, обладают обобщенным переносным значением, невыводимым из значений его отдельных компонентов, образованы на основе механизма метафорического переноса. *Чэньюу* обладают высокой экспрессивностью, стилистическая разноплановость этих ФЕ делает возможным их употребление как в письменном книжном стиле, так и в устном разговорном. Например: 白鹿黄钺 (букв. «белый бунчук командующего из бычьего хвоста и желтая императорская секира», обр. «идти войной», «выступать в поход»). По разным оценкам исследователей (Ма Гофань, Фэн Мэй, Ван Лися и др.), данный тип ФЕ составляет от 93 до 96% всего фразеологического состава китайского языка, который, согласно данным специализированных словарей, в целом насчитывает более 50 тыс. ФЕ разных типов.

В отличие от *чэньюев* основным источником возникновения ФЕ типа *гуаньюньюунюу* является устная речь простого трудового народа. Вследствие этого указанный вид ФЕ построен по нормам современного разговорного языка, обладает высокой выразительностью и образностью и некоторой гибкостью внутренней структуры. Отличительными структурными

ми особенностями *гуаньюньюев* является их устойчивая трехкомпонентная структура (имеется очень маленькое количество двусложных *гуаньюньюев*). Такая структура позволяет в лаконичной и краткой форме передавать образное значение, присущее этой ФЕ. Большинство ФЕ этого вида построено на механизме сравнения, содержит яркие метафоры, характеризующие предметы и явления современной жизни. *Гуаньюньюи* представляют собой устоявшиеся выражения, имеющие целостное переносное значение, которое, хотя и не является понятным исходя из значения отдельных компонентов, но все же в некоторых случаях довольно легко угадывается по сравнению с переносным значением *чэньюев*, о котором трудно догадаться. *Гуаньюньюи* обладают яркой функционально-стилистической отнесенностью к устному разговорному стилю, широко известны и используются в народной среде. Им свойственны лаконизм, образность и эмоционально-экспрессивная насыщенность. По оценкам исследователей, «стилистический эффект подобных выражений достигается за счет семантических трансформаций на основе метафоры» [17. С. 128]. Например: 回马枪 («*парфянская стрела*»).

Сехоуюи в основном являются продуктом устного народного творчества и построены по нормам современного китайского языка. Только очень небольшое их количество встречается в древних письменных памятниках. Структурные особенности *сехоуюя* заключаются в том, что он состоит из двух частей: иносказание, основанное на метафоре (загадка), и раскрытие иносказания (ответ на загадку). Наличие двух частей позволяет употреблять *сехоуюи* в полной форме (обе части) и в усеченной (только первая часть). В смысловую структуру *сехоуюя* «входит эмоционально-оценочное значение, передающее субъективное отношение говорящего к предмету мысли» [17. С. 123]. Этот вид ФЕ представляет собой иносказание, построенное на метафоре. Первая часть *сехоуюя* обычно употребляется в переносном, метафорическом значении, вследствие чего *сехоуюй* вызывает в сознании коммуникантов наглядное представление, создает определенный образ. Вторая часть *сехоуюя* содержит отгадку и допускает более свободные семантические модификации. Функционально-стилистические особенности *сехоуюев* заключаются в их отнесенности к разговорному стилю речи, к обиходно-бытовому просторечию, в их употреблении преимущественно в диалогической речи, в придании речи высокой степени экспрессивности. Например: 孔夫子搬家——净是书 (букв. Конфуций переезжает в новый дом – сплошь одни книги) означает *сплошь одни поражения*, так как произношение компонента 书 (книги) созвучно произношению другого компонента – 输, имеющего значение *проигрыш, поражение*.

Итак, сопоставление русской и китайской идиоматики можно проводить в некоторой степени условно. В силу разницы языковых систем полного совпадения типов фразеологизмов не наблюдается. Однако представляется, что проводить сопоставление указанных типов ФЕ в двух языках возможно, поскольку они укладываются в понимание ФЕ в узком смысле,

т.е. являются раздельноформленными, соотносятся со словами и выражают единое целостное понятие. Таким образом, единицами сопоставительного анализа в нашем исследовании станут фразеологические сращения и фразеологические единства в русском языке и *чэньюи*, *гуаньюньюи* и *сехоуи* в китайском языке.

Материалы и методы исследования

Источниковой базой исследования военных фразеологизмов русского языка стали 10 фразеологических и толковых словарей русского литературного языка XX–XXI вв. [18–27], из которых методом сплошной выборки было извлечено 284 единицы (фразеологические сращения и фразеологические единства) военного происхождения.

Источниковой базой изучения фразеологизмов китайского языка был «Большой словарь военных *чэньюев*» (общее количество 7500 фразеологических единиц разных типов) [7], из которого посредством выборки было извлечено 290 фразеологических единиц разного типа.

Для исследования китайских фразеологизмов использовалось два вида выборки: 1) для определения типов ФЕ был проведен анализ 3773 единиц, отобранных из «Большого словаря военных *чэньюев*» (всего 7500 единиц) методом направленного отбора: в выборку были включены только оригинальные фразеологические единицы без видоизмененных вариантов (например, *гуаньюньи* 生力军 и 生力兵 отличаются только одним синонимичным компонентом, имеют значение «подкрепление», но первый вариант ФЕ возник раньше); 2) для изучения семантических групп метафоризируемых образов китайских ФЕ из указанной совокупности 3773 фразеологизмов было отобрано 290 единиц методом простой вероятностной выборки.

Помимо методов сплошной выборки, направленного отбора и простой вероятностной выборки применялись метод лингвистического наблюдения и описания, методы систематизации и классификации, метод сопоставительного анализа, методы интерпретации данных и их статистической обработки, методы синтеза, абстрагирования и обобщения. Также использовались отдельные приемы методов количественного, дистрибутивного, компонентного, сравнительно-исторического анализа.

Ход и результаты исследования

1. Типы фразеологических единиц военной тематики в русском и китайском языках

Анализ результатов сплошной выборки фразеологизмов военной тематики русского языка показал, что среди русских ФЕ военной тематики преобладают фразеологические единства. Их абсолютное большинство – 261 единица (91,9% от 284 единиц). Такое явное преимущество объясняет-

ся тем, что внутренняя форма фразеологизма еще связана с конкретным явлением культуры, благодаря которому обязана своему появлению. И эта связь, пускай даже частичная, восстанавливается носителями языка. Однако в нашем материале отмечены идиомы, являющиеся сращениями (23 ФЕ, т.е. 8,1%). В их составе в большинстве своем имеются компоненты, лексическое значение которых в свободных словосочетаниях, предшествующих формированию фразеологизма, утрачено, забыто носителями языка (*турусы на колесах, наводить / навести турусы, на шаран, тихой сапой* и т.д.).

Анализ «Большого словаря военных *чэньюев*» показал, что в него включены ФЕ различных типов, а его составители придерживаются широкого понимания термина *чэньюй*. В процессе анализа нами было установлено, что из 3773 оригинальных военных фразеологизмов к ФЕ типа *гуаньюньюй* относятся 16 ФЕ (0,4% от 3773 единиц), к ФЕ типа *сехоуюй* – 31 ФЕ (0,8%), к ФЕ типа *чэньюй* – 3254 ФЕ (86,3%), к другим видам ФЕ (поговорки, афоризмы и т.д.) – 472 ФЕ (12,5%), что, в общем, соотносится с данными китайских лингвистов о высокой процентной доле ФЕ типа *чэньюй* во всем фразеологическом фонде китайского языка (93–96%).

Таким образом, сопоставление типов фразеологических единиц военной тематики показало, что среди русских военных фразеологизмов «в узком понимании» (т.е. среди фразеологических сращений и единств) преобладают фразеологические единства (91,9%), фразеологические сращения составляют всего 8,1%. Среди китайских военных фразеологических единиц абсолютное большинство принадлежит фразеологизмам типа *чэньюй* (86,3% от всех типов ФЕ, или 98,5% от ФЕ «в узком смысле», т.е. от общего количества *чэньюев*, *гуаньюньюев* и *сехоуюев*), а значительно меньшее число составляют единицы типа *сехоуюй* (0,8% или 0,9% соответственно) и типа *гуаньюньюй* (0,4% или 0,6% соответственно).

2. Источники и время происхождения фразеологии военной тематики в русском и китайском языках

Анализ источников и научных работ в данной области позволяет нам выделить две большие группы фразеологии военной тематики (ФЕ, внутренняя форма которых включает компоненты, связанные с военной сферой, и которые вышли за рамки употребления военных специалистов, т.е. не являются терминологическими или жаргонными) с точки зрения ее происхождения.

1. Фразеологизмы, которые родились в рамках военного дискурса и обозначают явления военной профессиональной сферы, но вошли в литературный язык (их можно обнаружить в словарях современного литературного языка) и понятны большинству его носителей (например, *выходить / выйти из строя* – выдвинуться вперед, оставив свое место в строю; *百战百胜* [*всепобеждающий*, букв. *сто сражений, сто побед*]). К этой группе можно отнести единицы, одно из значений которых обладает вышеназванной характеристикой. К этой же группе можно отнести фразеологиче-

ские единицы, которые возникли в военной сфере и в процессе функционирования приобрели переносные значения, лишь косвенно связанные с армией (например, *выходить / выйти из строя* – сломаться, перестать функционировать; *纸上谈兵* [пустые разглагольствования; кабинетные рассуждения, букв. на бумаге рассуждать о войне]). Возможно, что первичные значения при этом были утрачены (как, например, во фразеологизме *тихой сапой* – скрытно, исподтишка. Компонент «сапа» представлял собой военный термин, обозначающий подкоп в сторону укрепленных позиций неприятельского войска. Подкоп этот делался незаметно для врага [24. С. 50]. Выражение отмечено в Воинском уставе 1716 г.

2. Фразеологизмы, возникшие в рамках литературного языка (т.е. вне сферы военной коммуникации). Однако наличие в их составе компонентов, этимологически связанных с военной профессиональной сферой, позволяет включить их в состав военной фразеологии (например, *свадебный генерал* – человек, выполняющий декоративные функции; подставное лицо, обладающее мнимым авторитетом; *望风披靡* [при первой тревоге бросаться врассыпную, бежать в беспорядке при первом известии о появлении противника]).

Что касается источников и времени формирования названных групп фразеологизмов, то для их анализа последовательно рассмотрим в данном аспекте фразеологию военного происхождения русского и китайского языков.

«Военная» фразеология национального русского языка в большинстве своем исконно русского происхождения. Это 247 фразеологизмов (87 % ФЕ от общего числа обнаруженных нами). Такие явления легко объяснимо, так как спецификой идиоматики является ее культурная обусловленность. Добавим, что при этом в составе военной фразеологии славянского происхождения могут обнаруживаться отдельные компоненты, пришедшие из других языков. В данном случае речь идет о тех фразеологизмах, которые возникли в рамках русской культуры, например: ФЕ *красная гвардия* – продукт эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны, при этом в ее составе итальянский элемент *гвардия*.

Отметим, что обычно сказать точно, когда возник тот или иной фразеологизм, сложно. Немногочисленная часть анализируемой фразеологии имеет маркеры, позволяющие определить время рождения ФЕ. С этих позиций можно говорить о фразеологизмах четырех эпох:

1. Фразеология Древней Руси (10 ФЕ). Часть из них содержит имя хана Мамай: *Мамаево побоище*, как *Мамай* прошел, *Мамаево* нашествие (3 ФЕ). Другая часть содержит в своем составе военные термины: 1) *шарап / арап* – «нападение» [27. С. 765]: заставляя *арана*, брать взятку на *шарап*, на *арана* (делать), на *шарап*; 2) *десяток* – старинное боевое подразделение [28. С. 189]: не робкого десятка; 3) «синь» – слово из древнерусского языка со значением «темный»: как *синь* порох в глазу, ни *синий* порох. По поводу последних фразеологизмов следует отметить, что в древнерусском языке слово «порох» имело значение не только военное, но и «светское» – «пыль,

прах». Однако учитывая, что порох как взрывчатое вещество появился на Руси впервые в 1389 г. (а это еще период существования древнерусского языка), мы посчитали возможным оставить данный фразеологизм в числе военных.

2. Фразеологизмы Петровской эпохи. Они также определяются по компонентам, имеющим отношение к началу XVIII столетия и реформам Петра I. Маркерами эпохи оказываются компоненты: 1) *нахал* (пехота при Петре I [28. С. 463]): *братъ нахалом*; 2) *неги* (дворяне, избегавшие службы в армии [28. С. 469]): *быть в негях*; 3) битва под Полтавой (1709 г.): *как швед под Полтавой*; 4) *аккорд* (капитуляция [28. С. 20]): *на аккорд*; 5) традиция, которую ввел Петр I, в буквальном смысле брить лбы всем рекрутам, чтобы в случае побега их легко можно было поймать: *брить лбы*.

3. Фразеологизмы XVIII–XIX вв. (11 единиц). Эти фразеологизмы «опознаются» благодаря компонентам: 1) *фельдфебель* (воинское звание [28. С. 744]): *фельдфебельский час*; 2) *цугундер* (воинское наказание [28. С. 741]): *притянуть на цугундер*; 3) волчий билет (явление дореволюционной России, связанное с запретом служить в государственных учреждениях): *волчий билет*; 4) реплика М.И. Кутузова («Стоять насмерть») [19. С. 405]): *стоять насмерть*; 6) часть кавалерийской команды XIX столетия (Смирно, и никаких гвоздей!) [28. С. 469]): *и никаких!*; 7) война с кабардинцами, длившаяся семь месяцев в 1779 г.: *битва русских с кабардинцами*. Остальные единицы связаны с художественными произведениями, созданными в период XVIII–XIX вв.: *Забугрянский* – герой повести Н.В. Гоголя (*генерал Забугрянский*), *свадебный (кондитерский) генерал* и *унтер Пришибеев* – персонажи из рассказов А.П. Чехова, *литературный генерал* – герой романа «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского, *Кижэ* – из произведения Ю. Тынянова (*поручик Кижэ*).

4. Фразеологизмы XX в. (7 ФЕ). В составе этих единиц компоненты, связанные с событиями Первой мировой войны (*дымовая завеса*), революции 1917 г. и Гражданской войны (*Белая гвардия*, *Красная гвардия*), литературной жизни СССР (*сыновья / дети лейтенанта Шмидта* – из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»), *сын полка* – из названия романа Валентина Катаева), *боевая дружина* – пересмысленное наименование созданных большевиками специальных подразделений, *черная сотня* – от названия крайне правой организации в царской России 1905–1917 гг.

Итак, установить время рождения фразеологизмов, славянских по происхождению, можно у 33 единиц (12%).

Заемствованных фразеологизмов в русском языке в нашем материале всего 37. Их тоже можно разделить на несколько групп в зависимости от того, из какого языка они пришли в русский.

1. Самая многочисленная группа – это фразеологизмы и латинского и греческого языков (15 ФЕ). В составе фразеологизмов имена греческих и римских императоров (*Аннибалова клятва*, *Ганнибал у ворот*, *дамоклов меч*, *Пиррова победа*), героев греческих мифов и повестей (*Аника-воин*, *два*

Аякса, ахиллесова пята), наименования географических объектов (*Троянский конь, переходить / перейти Рубикон*), а также отраженные греческие и римские традиции и исторические события (*бросать / бросить меч на чашу весов (на весы), на щит, на щите или со щитом, огнем и мечом, парфянское бегство, под эгидой*).

2. Второе место занимают фразеологизмы, пришедшие из французского языка. Их 7. Большинство из них представляют собой кальки (*рыцарь без страха и упрека, пушечное мясо, солдат удачи*) или подкульки (*ставить кордоны*) с французского, только 2 ФЕ обязаны своим происхождением литературным источникам (*три мушкетера* – из название романа А. Дюма [19. Т. 2. С. 457], *стрелять из пушек по воробьям* – выражение из комедии Ж.Б. Мольера [19. С. 411]). Один фразеологизм (*старая гвардия*) – от названия элитных войск эпохи Наполеона.

3. Третья группа фразеологизмов – это четыре единицы, пришедшие из немецкого языка. Происхождение всех перечисленных идиом разное: кальки (*на голову* [28. С. 148], *бряцание оружием* [28. С. 501]), цитата барона Мюфлинга (*битва народов* [28. С. 52]), отрывок из немецкой песни (*под грохот канонады* [19. Т. 2. С. 199]).

4. Столько же единиц (4) попало в русский язык из английского: кальки (*держат порох сухим* [28. С. 560], *мозговая атака* [28. С. 34]), цитата из народной сказки (*держат порох сухим* [28. С. 593]) и цитата из пьесы У. Шекспира (*пушечное мясо* [28. С. 458–459]).

5. Два фразеологизма пришли из испанского языка: *воевать (сражаться / сразиться) с ветряными мельницами* и *рыцарь печального образа*. Обе единицы появились благодаря роману Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

Отдельно следует сказать о библейской фразеологии в анализируемом нами материале. Таких единиц четыре: *вложить меч в ножны, имя (же) им легион, перековать мечи на орала, боевое крещение*. Все фразеологизмы относятся к элитарной речевой культуре и имеют пометы в словаре «высок.» или «книжн.».

Проанализируем источники и время происхождения китайской военной фразеологии. Ван Фэй провела анализ «Большого словаря военных чэньюев», содержащего 7 500 ФЕ, выделив в нем 3 773 оригинальные ФЕ. Все они имеют исконно китайское происхождение. Анализ словаря позволил Ван Фэй выявить пять источников происхождения военных ФЕ.

1. Древние военные трактаты: «ЛюТао», или «Шесть секретных учений» (六韜, автор Цзян Цзя, XI в. до н.э.), «Сыма фа», или «Методы Сыма» (司馬法, IV в. до н.э.), «Искусство войны» (孫子兵法, автор Сунь-цзы, V в. до н.э.), «Тун Дянь», или «Общие правила» (通典, составитель Ду Ю, 801 г.), «У-цзы бин фа», или «Законы войны почтенного У» (吳子, автор У Ци)¹, IV в. до н.э.), «Искусство войны» (孫臏兵法, автор Сунь Бинь,

¹ Здесь и далее знак вопроса (?) обозначает отсутствие в науке точных данных.

IV в. до н.э.), Вэй Ляо-цзы (尉繚子, автор Вэй Ляо, предположительно конец IV в. до н.э.), «Три стратегии» (三略, автор Хуан Ши-гун?, время создания неизвестно) и др. Ван Фэй, проведя анализ 3 773 оригинальных ФЕ «Большого словаря военных *чэньюев*», обнаружила 181 фразеологизм, источником происхождения которых явились древние военные трактаты. Среди них наиболее продуктивным с точки зрения образования ФЕ оказался трактат «Искусство войны» Сунь-цзы (34 ФЕ), например: 16-я стратагема 欲擒故纵 (*заманить в ловушку*). Далее идут «Лю Тао» (25), «У-цзы бин фа» (24) и др. [9].

2. Древние философские трактаты: «Лунь Юй», или «Беседы и суждения» (论语, составлена учениками Конфуция, V–IV вв. до н.э.), «Мэн-цзы» (孟子, автор Мэн-цзы, IV–III вв. до н.э.), «Сюнь-цзы» (荀子, автор Сюнь-цзы, IV–III вв. до н.э.), «Мо-цзы» (墨子, автор Мо-цзы, V в. до н.э.), «Гуань-цзы» (管子, сборник древнекитайских философских трактатов разных авторов IV–III вв. до н.э.), «Книга правителя области Шан» (商君书, автор Шан Ян, IV в. до н.э.), «Хань Фэй-цзы» (韩非子, автор Хань Фэй-цзы, III в. до н.э.), «Хуайнань-цзы» (淮南子, составлен «восьмью хуайнаньскими мудрецами», не позднее 139 г. до н.э.), «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» (世说新语, автор Лю Ицин, V в.) и др. Ван Фэй обнаружила 122 фразеологизма, источником происхождения которых стали древние философские трактаты. Среди самых продуктивных такие произведения, как «Сюньцзы» (21 ФЕ), «Книга правителя области Шан» (20 ФЕ), «Мо-цзы» (17 ФЕ) и др. [9]. Например: 驰马试剑 (*скакать на коне, тренируя владение мечом*) («Мэн-цзы»).

3. Древние исторические летописи: «Чжаньгоцэ», или «План сражающихся царств» (战国策, составитель Лю Сян, I в. до н.э.), «Ши-цзи» или «Исторические записки» (史记, автор Сыма Цянь, 91 г. до н.э.), «Ханьшу» (汉书, 82 г. до н.э.), «Цзы чжи тун цзянь», или «Всеобщее зеркало, управлению помогающее» (资治通鉴, автор Сыма Гуан, 1084 г.), «Спор о соли и железе» (盐铁论, автор Хуань Куань, I в. до н.э.), «Хоу Ханьшу», или «История династии Поздняя Хань» (后汉书, Фань Е, V в.), «Записи о Трёх царствах» (三国志, автор Чэнь Шоу, III в.), «Сун шу», или «История Сун» (宋书, автор Шэнь Юэ, VI в.), «Цишу», или «История Ци» (齐书, автор Сяо Цзысянь, VI в.), «Вэй шу», или «История Вэй» (魏书, автор Вэй Шоу, 551–554 гг.), «Нань ши», или «История южных династий» (南史, автор Ли Яньшоу, VII в.), «Ляо ши», или «История Ляо» (辽史, авторы Тото и др., 1345 г.), «Цзинь ши», или «История Цзинь» (金史, авторы Тото и др., 1345 г.), «Мин ши», или «История Мин, авторы Чжан Гинъюй и др., 1739 г.» и др. По подсчётам Ван Фэй, древние исторические летописи являются источником происхождения не менее 581 ФЕ, среди которых на первом месте стоят «Исторические записки» (133 ФЕ), «Ханьшу» (81 ФЕ), «Хоу Ханьшу» (74 ФЕ), «Записи о Трёх царствах» (68 ФЕ) и т.д. [9]. Например: 百步穿杨

(букв. пронзить стрелой лист тополя на расстоянии 100 шагов, обр. стрелять без промаха) («Чжаньгоцэ»).

4. Средневековые литературные произведения: 1) средневековые классические китайские романы, например: «Речные заводы» (水浒传, автор Ши Найань, XIV в.), «Троецарствие» (三国演义, Ло Гуаньчжун, XIV в.), «Сказание о доблестных людях» (儿女英雄传, автор Вэнь Кан, XIX в.); 2) средневековые произведения китайской музыкальной драмы, описывающие воинские сражения, например: произведения самой популярной юаньской драмы «Ку цунь сяо» (哭存孝, автор Гуань Ханьцин, XIII в.); 3) поэтические произведения, например: «Пишу в беседке у реки У-цзян» (题乌江亭, Ду Фу, VIII в.). Ван Фэй отмечает, что древние литературные произведения являются богатым источником происхождения военных фразеологизмов. Так, по оценкам автора, словарь содержит более 200 ФЕ из романа «Троецарствие» [9]. Например: 二虎竞食 (букв. два тигра соперничают за еду, обр. один из двух воюющих обязательно проиграет).

5. Другие произведения: ФЕ, пришедшие в военную сферу из произведений других областей. Например, 安内攘外 (сначала – успокоение внутри, потом – отпор внешнему врагу) пришел в военную сферу из медицинского трактата «Шан хань лунь», или «Суждения о вреде холода» (伤寒论, автор Чжан Чжунцин, 200–210 гг.). Количество таких ФЕ немногочисленно [9].

Таким образом, мы можем заключить, что основным источником происхождения китайской военной фразеологии в основном являются древние и средневековые письменные китайские памятники. В «Большом словаре военных чэньюев» из 3 773 фразеологизмов мы обнаружили всего 122 ФЕ (3,2%), не имеющие указания на письменный источник происхождения. Самым продуктивным источником появления военной фразеологии являются художественные произведения (более 50%). Первенство в создании военных ФЕ принадлежит Ло Гуаньчжуну и его классическому роману «Троецарствие», который стал источником более 5% военного фразеологического фонда китайского языка (более 200 ФЕ). Вторым по продуктивности создания военных ФЕ являются древние исторические летописи (количество ФЕ из всех исторических летописей составило 16%), а вторым произведением, содержащим наибольшее количество военных ФЕ после «Троецарствия», стала историческая летопись «Исторические записки» Сыма Цяня, которая является источником еще более 3,5% военного фразеологического фонда (133 ФЕ). Третье место в создании военной фразеологии принадлежит военным трактатам, среди которых на первом месте стоит произведение «Искусство войны» Сунь-цзы, а совокупное количество военных ФЕ, пришедших в китайский язык из военных трактатов, составляет около 5% всего военного фразеологического фонда. На четвертом месте находятся древние философские трактаты (3,3%).

Время возникновения военных фразеологизмов в китайском языке охватывает несколько периодов его развития: с XI в. до н.э. по V в. до н.э. (доклассический период развития древнего китайского языка по классификации

С.Е. Яхонтова); с V–III вв. до н.э. по II в. н.э. (классический древнекитайский период); со II в. по IV в. (поздний древнекитайский период); с V в. по XII–XIV вв. (среднекитайский период). Основная масса ФЕ (*чэньюи*) возникла в древнекитайский и среднекитайский периоды развития китайского языка (около 95–97%). ФЕ, возникшие в современный период развития китайского языка в основном из устной речи (*гуаньюньюи, сехоуюи* и другие виды), составляют 1–3%.

3. Механизмы формирования значений и семантические группы метафоризируемых образов фразеологических единиц военной тематики в русском и китайском языках

Основным механизмом формирования значений ФЕ военной тематики в русском и китайском языках является когнитивная (концептуальная) метафора, которая осуществляет метафорический перенос значений отдельных, часто конкретных образов, основанный на осмыслении одного понятия или явления через другие. Вследствие этого семантического метафорического переноса формируется целостное семантически спаянное значение, часто носящее более абстрактный характер (*в штыки, из пушки не прошибешь, держать хвост пистолетом, ломать копы и пр.*). Даже в единицах, имеющих довольно «прозрачное» угадываемое значение, но занесенных в словарь военных *чэньюев*, типа *我弱敌强* (букв. *мы – слабы, а враг – силен, обр. превосходящие силы врага*), все равно наблюдается действие механизма метафоризации при формировании слитного значения ФЕ. Однако такие примеры малочисленны и путь от конкретного образа фразеологизма до семантически связанного значения этой единицы куда более сложен и витиеват, а понимание этого значения часто просто невозможно без знания прецедентной ситуации, имеющей отношение к военной сфере: *鱼帛狐篝* (букв. *рыба – письмо – лиса – плетеная корзина, обр. воспользоваться помощью злых духов для формирования общественного мнения с целью устроить восстание*).

Наиболее часто встречающиеся образы идиоматики военного происхождения русской культуры охватывают круг явлений, закономерно связанных с армией и войной.

Первая семантическая группа – **«оружие»** (54 ФЕ). Центр ее – лексема¹ «оружие» и связанные с ней по смыслу семантические компоненты: *брать / взять в руки оружие, браться / взяться за оружие* (2 ФЕ – омонимы), *братья по оружию, бряцание оружием, бряцать оружием, класть оружие, ковать оружие, поднимать / поднять оружие, складывать / сложить оружие, хвататься / схватиться за оружие; «вгонять / вогнать пулю, вылетать / вылететь пулей, не кланяться пулям, отливать / лить*

¹ Лексемой (или словом) компоненты фразеологизма названы условно, поскольку они утрачивают свое лексическое значение в составе идиомы.

пули, подставлять лоб под пули, пуля не берет, пускать / пустить себе пулю в лоб, пуля не берет, слить пулю, хоть пулю в висок, хоть пулю в лоб. В составе фразеологизмов этой группы обнаруживаются разные виды вооружения: «меч» (*бросать / бросить меч на чашу весов (на весы) или положить меч на чашу весов, вкладывать / вложить меч в ножны, дамоклов меч, обнажить меч, огнем и мечом, перековать мечи на орала, поднимать меч, предавать / предать огню и мечу, притуплять / притупить меч*), «штык» (*встречать / встретить в штыки, в штыки, как штык, на (в) штык, опираться / опереться на штыки, поднимать на штыки*); «пушка» (*из пушки пали, из пушки не прошибешь, отливать / лить пушку, пушкой не поднять, пушкой не прошибешь, хоть из пушки пали*); «ружье» (*в ружье, под ружье, под ружьем*); «пистолет» (*держат хвост пистолетом*); «копье» (*ломать / поломать копья*); «шпага» (*скрестить шпаги*); «щит» (*на щит, поднимать на щит, на щите или со щитом*) и др. Наиболее часто в данной группе воспроизводятся компоненты «пуля» и «порох». Это очень яркий по своему эмоциональному наполнению компонент, характеризующийся быстротой и непредсказуемостью, поскольку после выстрела управлять ею уже невозможно. Лексема «порох» входит в состав 12 ФЕ: *в воздухе пахнет / запахло порохом, держать порох сухим, есть еще порох в пороховницах, как синь порох в глазу, не нюхать пороху, ни синий порох, порох порохом, пороха не выдумать, пороху не хватает, с порохом, трахать порох даром, хватает /хватило пороху*. Компонент ассоциируется у носителей языка с опасностью и одновременно – с важной составляющей частью какого-либо события или явления.

Достаточно условно к этой группе можно отнести компоненты, объединяющие название боеприпасов (*в одной обойме*) и средства защиты – «забрало» (*с открытым забралом*) (по аналогии с Ван Фэй) [9].

Второе место по частоте включения в состав фразеологизма занимает семантическая группа «**боевые действия**» (44 ФЕ). Ее организует лексема «бой», которая является самым частотным образом в русской военной фразеологии – «бой» / «боевой» (*бросать / бросить в бой, вступать / вступить в бой, объявлять бой, с боем, с бою, словесный бой; боевая готовность, боевая дружина, боевое крещение, боевой дух в полной боевой готовности*) – 11 ФЕ. Кроме того, семантическая групп «боевые действия», включает множество составляющих, характеристик, этапов и видов боя: «война» (*Аника-воин, бог войны, война все спишет, война ходит, объявлять войну, холодная война*); «битва» (*битва народов, битва русских с кабардинцами*); «атака» (*в атаку, вести в атаку, лобовая атака, мозговая атака*); «блокада» (*прорвать блокаду, прорыв блокады*); «победа» (*Пиррова победа*); «фронт» (*во фронт, единым фронтом, на два фронта*); «тыл» (*казать тыл, обходить / обойти с тыла*).

К этой группу можно отнести компоненты, связанные со стрельбой как неотъемлемой частью сражения: «воевать» (*воевать / сражаться с ветряными мельницами*); «стрелять» / «бить» (*стрелять / стрельнуть глазами, стрелять из пушек по воробьям, бить прямо в цель, бить мимо цели*); «вы-

стрел) (*без выстрела (взять, брать, сдать...), на пушечный выстрел, брать под обстрел, холостой выстрел*); «огонь» (*вести огонь, вызывать / вызвать огонь на себя, крестить огнем, перекрестный огонь*).

Третье место занимает семантическая группа **«субъекты боевых действий»** (26 ФЕ), включающая как отдельных военных, так и воинские подразделения. Лидирует среди этих слов лексема «рыцарь» (встречается в 6 ФЕ): *рыцарь без страха и упрека, рыцарь на час, рыцарь печального образа, рыцарь плаща и кинжала, скупой рыцарь, странствующий рыцарь*. Это интересный феномен, поскольку рыцарь – элемент европейской культуры, а не русской. Тем не менее рыцарство оказало сильное воздействие на формирование представлений о военных в сознании носителей русского языка как родного, что, безусловно, не могло не отразиться в идиоматике. Кроме того, к названной семантической группе относятся следующие наименования: «генерал» (*генерал Забугрянский, литературный генерал, свадебный генерал*); «солдат» (*верстать в солдаты, забрать в солдаты, солдат удачи*); «воин» (*божий воин*), «витязь» (*витязь на распутье*); «лейтенант» (*дети лейтенанта Шмидта*), «майор» (*отрастить майора*); «подпоручик» (*подпоручик / поручик Кижес*); «мушкетер» (*три мушкетера*); «гвардия» (*Белая гвардия, Красная гвардия, молодая гвардия, старая гвардия*); «рота» (*золотая рота*), «легион» (*имя же им легион*); «десяток» (*не робкого десятка*), «полк» (*сын полка*); «сотня» (*черная сотня*).

К четвертой группе **«физическое тело, жизнь и смерть»** относятся 12 ФЕ. Среди них *Ахиллесова пята, брить лбы, военная косточка, идти в ногу, на голову (разбить, побить), пушечное мясо*. Особое место занимают образы «смерти» (*отвоевывать у смерти, биться насмерть, стоять насмерть*) и «крови» (*багрить руки в крови, жажда крови, заплатить кровью*).

Остальные семантические группы представлены единичными примерами (от 1 до 3 ФЕ), например: «флаг» (*выбросить / выбрасывать белый флаг*); «знамя» (*высоко держать знамя*); «конь» (*Троянский конь, выехать на белом коне*); «шинель» (*серые шинели*); «мундир» (*синие мундиры, честь мундира*) и т.д.

Если обобщить полученные данные, то наиболее часто в качестве компонентов фразеологизмов военного происхождения выступают следующие образы: «бой» (12 ФЕ), «порох» (12), «оружие» (11), «пуля» (11), «меч» (9), «пушка» (6), «штык» (6), «рыцарь» (6).

Рассмотрим особенности семантических групп метафоризируемых компонентов фразеологизмов военной тематики в китайском языке. Анализ 290 ФЕ, отобранных методом простой вероятностной выборки, позволил выделить несколько самых многочисленных семантических групп:

– **«субъекты боевых действий»** (69 ФЕ). В указанную группу входят ФЕ, содержащие такие компоненты (простые слова), как 兵 («воин») (29), 军 («армия») (11), 将 («генерал», «полководец») (8), 敌 («враг») (7), 人

(«человек») (3), 士 («рядовой», «солдат») (3), 师 («войско») (3), 卒 («солдат») (2), 勇 («воин») (2), 员 («офицер») (1). Например: 兵多将广 (букв. много воинов и полководцев, обр. огромная армия);

– **«животные»** (34 ФЕ): 马 («лошадь») (9), 虎 («тигр») (6), 鱼 («рыба») (5), 熊 («медведь») (4), 狼 («волк») (2), 羊 («баран») (2), 鸡 («курица») (2), 牛 («бык») (1), 蛇 («змея») (1), 龙 («дракон»), 鼠 («мышь») (1), 狐 («лиса») (1). Образы тигра, дракона, медведя в китайской культуре в целом и в военной сфере в частности связаны с силой и храбростью, барана – с силой и защитой, быка – с силой, здоровьем и агрессией. Лошадь – средство передвижения. Волк ассоциируется со свирепым и коварным врагом. Змея может означать злобное существо, например: 打蛇先打头 (букв. убивая змею, сначала бьют по голове; обр. начинай с главного). Мышь ассоциируется с трусостью: 抱头鼠窜 (букв. обхватить головы и разбежаться как мыши, обр. отступать в панике). Образ курицы (петуха) имеет как положительную коннотацию (утренний свет, возрождение), так и отрицательную (слабость, трусость). Лиса – злой дух, рыба – символ изобилия и достатка: 鱼死网破 (букв. либо рыба умрёт, либо сеть порвётся, обр. смертельная борьба, схватка);

– **«боевые действия»** (28 ФЕ): 武 («военное искусство») (7), 胜 («победа») (6), 攻 («атака») (5), 战 («война») (4), 败 («поражение») (3), 略 («стратегия») (3). Например: 战胜攻取 (букв. сражается – побеждает, нападает – берёт, обр. победоносный);

– **«оружие»** (27 ФЕ). В эту группу входят разные виды вооружения: 甲 («щит») (8), 刀 («нож») (5), 刃 («меч») (2), 戈 («копье») (2), 枪 («пика», «ружье») (2), 弹 («пуля») (2), 弓 («лук») (1), 矢 («стрела») (1), 戟 («алебарда двузубая цзи») (1), 箭 («стрела») (1), 盔 («шлем») (1), 矛 («пика») (1). Например: 带甲百万 (букв. миллионы солдат, держащих щиты, обр. многочисленная сильная армия);

– **«физическое тело, жизнь и смерть»** (23 ФЕ): 死 («смерть») (5), 血 («кровь») (4), 杀 («убивать») (3), 心 («сердце») (3), 头 («голова») (2), 肉 («мясо») (2), 手 («рука») (1), 骨 («кости») (1), 尸 («труп») (1), 生 («жизнь») (1). Например: 血流成河 («льются реки крови»);

– **«местность»** (11 ФЕ): 山 («гора») (4), 城 («город») (3), 地 («земля») (1), 河 («река») (2), 天 («небо») (1). Например: 山河破碎 (букв. горы и реки разрушить на кусочки, обр. раздробить страну на части).

Также в нескольких ФЕ встретились компоненты, обозначающие средства передвижения войск: 车 («повозка») (3) либо средства управления ими: 旗 («флаг») (2), 鼓 («барабан») (2).

Таким образом, наиболее частотными компонентами ФЕ в выборке стали: 兵 («воин») (29), 军 («армия») (11), 马 («лошадь») (9), 将 («генерал», «полководец») (8), 甲 («щит») (8), 敌 («враг») (7), 武 («военное искусство») (7), 虎 («тигр») (6), 胜 («победа») (6).

Выводы

Военная сфера – неотъемлемая часть культуры многих народов и стран. В русском и китайском языках она имеет чрезвычайно яркое воплощение, отраженное во фразеологической системе. Фразеология военной тематики, рожденная в основном в рамках военной профессиональной сферы и со временем вышедшая за ее пределы, позволяет определить, как носители конкретной культуры относятся к армии, войне, какую роль играют военная культура и военные традиции в жизни конкретного социума. Термин «фразеологизм» мы трактуем как особую многокомпонентную языковую единицу, характеризующуюся раздельнооформленностью и по значению соотносимую со словами определённой части речи (если единица обладает переносным целостным значением).

С точки зрения типов ФЕ военной тематики (фразеология в узком смысле) в русском языке преобладают фразеологические единства (91,9%), а фразеологические сращения составляют всего 8,1%. Среди китайских военных фразеологических единиц абсолютное большинство принадлежит фразеологизмам типа *чэньюй* (98,5% от общего количества *чэньюев*, *гуаньюньюев* и *сехоуюев*), далее следуют ФЕ типа *сехоуюй* (0,9%) и ФЕ типа *гуаньюньюй* (0,6%).

Как показал проведенный анализ, фразеология русского языка, отражающая специфику восприятия военной профессиональной сферы, чаще всего исконно русская. Проанализированная часть фразеологии формировалась долгие столетия (со времен Древней Руси до наших дней) и продолжает свое развитие сегодня. И в этом она совпадает с фразеологией военной тематики китайского языка, которая в полном объеме является исконно китайской по происхождению. Однако в отличие от военной идиоматики китайского языка военная фразеология русского литературного языка включает в свой состав фразеологические единицы, пришедшие из других культур. Это связано, очевидно, с активным межкультурным взаимодействием нашей страны с соседними государствами в течение многих столетий и длительными периодами закрытости Китая для внешнего мира в процессе его исторического развития.

Многие ФЕ в русском и китайском языках имеют древнее происхождение. Так, мы считаем, что некоторые русские фразеологизмы военной тематики возникли приблизительно в XIII–XIV вв. н.э. Самые же ранние ФЕ китайского языка военной тематики зафиксированы в китайских древних военных трактатах, написанных еще в XI в. до н.э. Таким образом, очевидно, что современная китайская военная фразеология возникла в более ранний период и имеет более длительную историю своего развития, она начинает зарождаться еще в доклассический период древнего китайского языка (от наиболее ранних памятников китайской литературы до V в. до н.э.). Невозможность достоверного установления более раннего времени возникновения ФЕ военной тематики в русском языке связана с основным источником их возникновения – устной речью русского наро-

да, которая лишь позднее находила отражение в письменных произведениях и словарях. Достоверно можно говорить лишь о времени возникновения ФЕ военной тематики современного русского языка, имеющих письменный источник происхождения. Так, первые военные фразеологизмы выявлены нами в русских художественных произведениях, написанных в XVIII в. Кроме того, письменный источник происхождения имеют и заимствованные фразеологизмы, пришедшие в русский язык из произведений, написанных на других языках, самым ранним из которых является Библия (время создания с XV в. до н.э. по I в. н.э.) [29]. Основным источником происхождения ФЕ в китайском языке (в том числе военной тематики), наоборот, являются письменные памятники (древние военные и философские трактаты, исторические летописи, средневековые литературные произведения, другие виды трудов), из которых наиболее продуктивными с точки зрения создания ФЕ военной тематики выступают средневековые художественные произведения (с VIII в.) и древние исторические летописи (с I в. до н.э.).

Основным механизмом формирования фразеологического значения ФЕ военной тематики в обоих исследуемых языках является когнитивная метафора, посредством которой осуществляется метафорический перенос значений отдельных образов, обуславливающих формирование фразеологического значения, из одной концептуальной области в другую. Именно благодаря такому метафорическому переносу формируется целостное значение, лишь косвенно связанное со значением компонентов, входящих в состав фразеологизма.

Наиболее частотной семантической группой метафоризируемых образов в русском языке оказывается совокупность фразеологизмов, объединенных наличием компонентов, называющих оружие (54 ФЕ), в то время как в китайском языке на первом месте по частотности находится группа «субъекты боевых действий» (69 ФЕ), второе по частотности место в русском и китайском языках занимают группы «боевые действия» (45 ФЕ) и «животные» (34 ФЕ), третье – «субъекты боевых действий» (26 ФЕ) и «боевые действия» (28 ФЕ) соответственно. Можно предположить, что китайская военная фразеология, в отличие от русской, является более антропоцентричной. Так, самыми частотными метафоризируемыми образами в китайских ФЕ являются 兵 («воин»), 军 («армия»), 马 («лошадь») и 将 («генерал», «полководец»), а в русской – «бой», «порох», «оружие» и «пуля». Также китайской военной идиоматике свойственна антропоморфность, поскольку в ней используется большое количество образов животных, наделенных человеческими психическими качествами (храбрость, коварство, трусость и др.), чего не встречается во ФЕ русского языка.

Принципиальным отличием метафоризируемых образов фразеологизмов русского и китайского языков является отсутствие лексемы «армия» в составе русской «военной» идиоматики. В китайских фразеологизмах этот компонент встречается достаточно часто. Армия как социальное явление

нашла отражение в русском языке только в своих действиях (бой, победа, атака и пр.) и атрибутах (оружие, форма и т.д.). Кроме того, нет среди компонентов ФЕ русского языка названий животных (кроме компонента «конь» и видов транспорта (ср. «лошадь» и «телега» в китайском языке). Остальные составляющие семантических групп примерно совпадают (с разницей, обусловленной особенностями культуры и традициями). Так, виды оружия и их составляющие, наименования воинов и военных действий обозначены в идиоматике обоих языков: в русском – «меч», «штык», «порох», «пуля» и сама лексема «оружие», «рыцарь», «бой»; в китайском – «меч», «ружье», «копье», «лук», «война», «воин». Анализ метафоризируемых образов подтверждает, что идиоматика военного происхождения формировалась в языках не одно столетие: от «лука» до «ружья» – в китайском языке и от «меча» до «пули» (как части огнестрельного оружия) – в русском. Интересно, что в числе частотных компонентов идиом русского языка присутствует элемент европейской культуры – «рыцарь», чего не наблюдается в идиоматике китайского.

В обеих культурах военная сфера оказалась весьма значимой и нашла отражение во фразеологической системе. Однако явное количественное преобладание фразеологических единиц китайского языка над русскими, а также гораздо более ранний период их происхождения свидетельствует как о степени важности войны и военной сферы в китайской культуре в целом, так и о более длительном периоде существования китайской цивилизации, и о типологических особенностях системы китайского иероглифического письма, позволившей на протяжении тысячелетий почти в неизменном виде сохранять письменные памятники, содержащие ФЕ.

Фразеология военной тематики требует дальнейшего изучения, однако уже сейчас очевидно, что она отражает особое мировосприятие и систему ценностей той культуры, внутри которой функционирует.

Список источников

1. Вразнова И.Г. «Военные» фразеологизмы в англоязычных печатных СМИ // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов IX Международной конференции. Саратов, 2017. С. 32–37.
2. Жумабеков Н.А. Фразеологизмы и речевые формулы военной тематики в гражданском узусе // МНСК-2019. Языкознание : материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2019. С. 45–46.
3. 马国凡 (Ма Гофань). 成语 (Чэньюй). 内蒙古: 内蒙古人民出版社. 1973.
4. 苏若舟, 柯理 (Су Жочжоу, Кэ Ли). 军事成语 (Военные фразеологизмы-чэньюй). 太原: 山西人民出版社. 1983.
5. 刘洁修 (Лю Цзесю). 成语 (Чэньюй). 北京: 商务印书馆. 1985.
6. 孙维张 (Сунь Вэйчжан). 汉语熟语学 (Фразеология китайского языка). 吉林: 吉林教育出版社. 1989.
7. 军事成语大词典 (Большой словарь военных чэньюев) / 佟玉斌编 (под ред. Тун Юйбин). 北京: 长征出版社. 1995.

8. 李卫中 (Ли Вэйчжун). 军事成语的文化内涵及修辞特征 (Культурные коннотации и стилистические особенности военных *чэньюев*) // 平顶山学报. 2001. № 3. 页 67–68.
9. 王菲 (Ван Фэй). 汉语军事成语研究 (Исследование военных *чэньюев* китайского языка). 曲阜师范大学硕士学位论文. 曲阜. 2009. 40页.
10. 王德 (Ван Дэ). 军事熟语的来源 (Происхождение военной фразеологии) // 内蒙古民族大学学报 (社会科学版). 2010. № 6. 页 70–73.
11. 孙永兰 (Сунь Юнлань). 汉语军事成语及其文化蕴含 (Военные *чэньюи* китайского языка и их культурное содержание) // 前沿. 2013. №12. 页 130–131.
12. Багаутдинова Э.Р. Фразеологизмы военной тематики в газете «Аргументы и факты» // Инновационные технологии в науке и образовании : сб. ст. победителей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 196–198.
13. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск : Изд-во ЧГПИ, 1983. 93 с.
14. Иванченко Н.В. Репрезентация идей конфуцианства в устойчивых единицах китайского языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2018. 22 с.
15. Гурулева Т.Л. Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ. М. : Издательский дом ВКН, 2019. 160 с.
16. Торопов А.А. Чэньюи и их свойства // Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965. С. 110–134.
17. Калинин О.И., Радус Л.А. Курс лекций по стилистике китайского языка. М. : Издательский дом ВКН, 2017. 344 с.
18. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М. : ЭЛПИС, 2008. 472 с.
19. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых выражений русского языка : в 2 т. Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009.
20. Большой словарь русских поговорок / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 783 с.
21. Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телии. М. : АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
22. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1989. 574 с.
23. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
24. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940.
25. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Рус. яз., 1987. 543 с.
26. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. А.Н. Тихонова. М. : Флинта : Наука, 2004.
27. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / сост. А.И. Федоров. М. : Цитадель, 1997.
28. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 962 с.
29. Библия. М. : Объединенные библейские общества, 1992. 923 с.

References

1. Vrazhnova, I.G. (2017) [“Military” phraseological units in the English-language print media]. *Inostrannyye yazyki kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication]. Proceedings of the 9th International

Conference. Saratov. 21–22 February 2017. Saratov: Saratovskiy istochnik. pp. 32–37. (In Russian).

2. Zhumabekov, N.A. (2019) [Phraseologisms and speech formulas of military subjects in civil usage]. *MNSK-2019. Yazykoznanie* [MNSK-2019. Linguistics]. Proceedings of the 57th International Conference. Novosibirsk. 14–19 April 2019. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 45–46. (In Russian).

3. Ma, G. (1973) *Chengyu*. Inner Mongolia: Inner Mongolia People's Publishing House. (In Chinese).

4. Su, R. & Ke, L. (1983) *Military Phraseological Units-Chengyu*. Taiyuan: Shanxi People's Publishing House. (In Chinese).

5. Liu, J. (1985) *Chengyu*. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese).

6. Sun, W. (1989) *Chinese Phraseology*. Jilin: Jilin Education Press. (In Chinese).

7. Tong, Yu. (ed.) (1995) *Great Dictionary of Military Chengyu*. Beijing: Long March Publishing House. (In Chinese).

8. Li, W. (2001) Cultural Connotations and Stylistic Features of Military Chengyu. *Journal of Pingdingshan University*. 3. pp. 67–68. (In Chinese).

9. Wang, F. (2009) *Chinese Military Chengyu Study*. Master's Thesis. Qufu. (In Chinese).

10. Wang, D. (2010) Origin of Military Phraseology. *Journal of Inner Mongolia University for Nationalities (Social Sciences)*. 6. pp. 70–73. (In Chinese).

11. Sun, Yu. (2013) Chinese military chengyu and their cultural content. *Qianyan*. 12. pp. 130–131. (In Chinese).

12. Bagautdinova, E.R. (2017) [Phraseologisms of military subjects in the Argumenty i Fakty newspaper]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative Technologies in Science and Education]. Proceedings of the 4th International Conference. Penza. 5 November 2017. Penza: Nauka i prosveshchenie. pp. 196–198. (In Russian).

13. Chepasova, A.M. (1983) *Semanticheskie i grammaticheskie svoystva frazeologizmov* [Semantic and Grammatical Properties of Phraseological Units]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical Institute.

14. Ivanchenko, N.V. (2018) *Reprezentatsiya idey konfutsianstva v ustoychivyykh edinitsakh kitayskogo yazyka* [Representation of the ideas of Confucianism in stable units of the Chinese language]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Yekaterinburg.

15. Guruleva, T.L. (2019) *Kitayskaya yazykovaya lichnost': kharakteristika rechevogo portreta i ego sopostavitel'nyy analiz* [Chinese Language Personality: Characteristics of the speech portrait and its comparative analysis]. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN.

16. Toropov, A.A. (1965) Chen'yui i ikh svoystva [Chengyu and their properties]. Rozhdestvenskiy, Yu.V. (ed.) *Spornyye voprosy stroya kitayskogo yazyka* [Controversial Issues of the Structure of the Chinese Language]. Moscow: Nauka. pp. 110–134.

17. Kalinin, O.I. & Radus, L.A. (2017) *Kurs lektsiy po stilistike kitayskogo yazyka* [A Course of Lectures on the Stylistics of the Chinese Language]. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN.

18. Alefirenko, N.F. & Zolotykh, L.G. (2008) *Frazeologicheskiy slovar': Kul'turno-poznavatel'noe prostranstvo russkoy idiomatiki* [Phraseological Dictionary: Cultural and cognitive space of Russian idioms]. Moscow: ELPIS.

19. Berkov, V.P., Mokienco, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh vyrazheniy russkogo yazyka* [Large Dictionary of Popular Expressions of the Russian Language]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat.

20. Mokienco, V.M. & Nikitin, T.G. (eds) (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma Media Grupp.

21. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST-Press.

22. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (1989) *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [School Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie.

23. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Rus.yaz.; Poligrafresursy.

24. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: OGI.

25. Molotkov, A.I. (ed.) (1987) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Tikhonov, A.N. (ed.) (2004) *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Flinta: Nauka.

27. Fedorov, A.I. (ed.) (1997) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Tsitadel'.

28. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimolog. slovar'* [Russian Phraseology: Historical and Etymological. Dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Lyuks.

29. United Bible Societies. (1992) *Bibliya* [The Bible]. Moscow: Ob'edinennye bibleyskie obshchestva.

Информация об авторах:

Гурулева Т.Л. – д-р пед. наук, профессор кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Фесенко О.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.L. Guruleva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

O.P. Fesenko, Dr. Sci. (Philology), professor, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 12.01.2023.*

*The article was submitted 16.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 12.01.2023.*